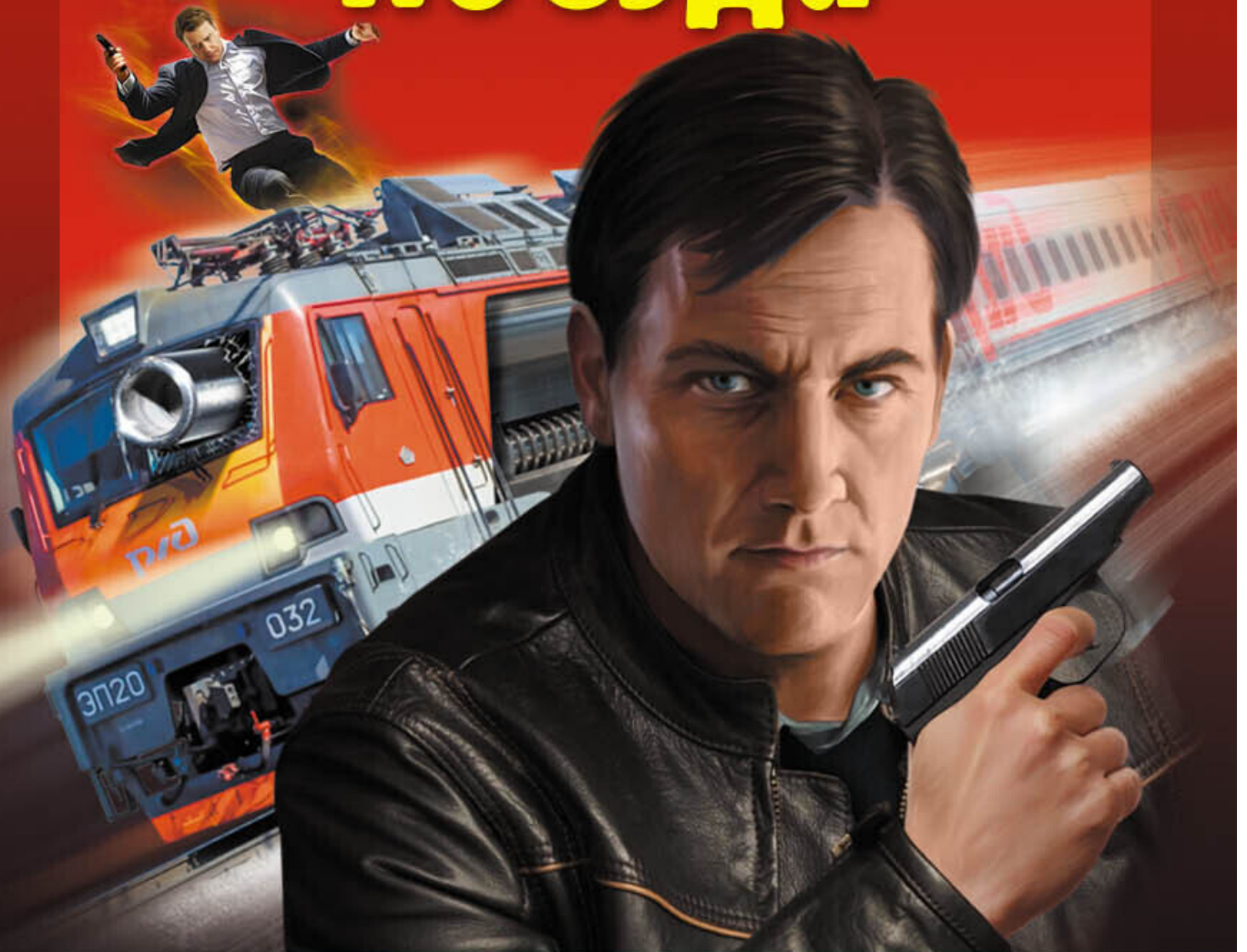

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Под колесами поезда

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай Леонов
Под колесами поезда

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Под колесами поезда / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2018

«Обычный рабочий день сотрудника МВД, отвечающего за пропускной режим, во всех ведомствах и отделах выглядит совершенно одинаково. Принял пост, расписался в журнале и сиди себе, на удостоверения поглядывая да входящих регистрируй. Ничего сложного, ничего интересного и уж тем более ничего интригующего...»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев
Под колесами поезда**

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Обычный рабочий день сотрудника МВД, отвечающего за пропускной режим, во всех ведомствах и отделах выглядит совершенно одинаково. Принял пост, расписался в журнале и сиди себе, на удостоверения поглядывай да входящих регистрируй. Ничего сложного, ничего интересного и уж тем более ничего интригующего. Будь то пропускная вертушка в захудалом Старореченске, где самым опасным социальным элементом является баба Дуся, торгующая самогоном, или же электронный турникет Главного управления уголовного розыска Москвы, стены которого видели столько боли и страданий добропорядочных граждан и столько же жестокости и мерзости, совершенных «двуногими», которых и людьми-то назвать сложно.

Нет, конечно, сидеть и чай гонять дежурному некогда. Он своего рода распределительная станция, которая никогда не простаивает, особенно в больших городах. С чем только не обращаются к нему растерянные, встревоженные, а порой и заплаканные граждане: кошелек украли, сумку в транспорте порезали, гараж вскрыли, квартиру обчистили, соседи буянят, покоя не дают. Мелочи? Пожалуй. Во всяком случае, с такими проблемами более сообразительные люди идут к участковому, а не на Петровку. Но в каждом городе есть такая категория пострадавших или потерпевших, которым и в голову не придет придерживаться каких-то правил. Такие идут напрямик к «самому главному». И неважно, капитан ли он по званию или генерал-лейтенант. Важно то, что в районе выше его по званию нет.

Справедливости ради нужно заметить, что таких любителей шагать через головы немного, но процентов двадцать наберется уверенно. Так уж они устроены. Кран ли у него потек, или пробки выбило, колесо пробило, или зубы заболели, он непременно начнет с самых верхов. Он не станет вызывать сантехника, обращаться к электрику, не заедет на станцию техобслуживания и не сядет в кресло стоматолога до тех пор, пока начальник ЖЭКа, директор СТО, главврач стоматологической клиники лично не заверят этого гражданина, что его проблема на особом контроле у начальства и его обслужит лучший сотрудник, какого только можно найти в радиусе ста километров.

Вот с такой категорией граждан дежурный сталкивается ежедневно с восьми утра до шести вечера, а иногда и во внеурочное время. И решает их проблемы, распределяя по кабинетам, вызывая следователей, дознавателей, уполномоченных по правам человека, участковых инспекторов и инспекторов по делам несовершеннолетних. Он собирает заявления, жалобы, претензии в устном и письменном виде, успокаивает и вразумляет, дает советы, которым не всегда следуют.

Для того чтобы понять, кого и куда направить, дежурный должен каждого просителя выслушать. Вот в этом и заключается его главная функция: он слушает. Истории идут одна за другой, без перерыва, без остановки, к концу дежурства сливаясь в один сплошной поток, а иной раз и сплетаясь в ужасный клубок преступлений, правонарушений и проступков, который так и хочется поднять и запустить куда подальше. Так далеко, чтобы ни тени, ни запаха не осталось.

Но бывают дни, когда события, происходящие в вестибюле полицейского отдела, становятся определяющими для последующего расследования. Хорошо, если дежурный полицейский, ориентируясь на внутреннее чутье или же под влиянием момента, сумеет распознать такой вот ключевой момент и не выставит важного свидетеля или раскаявшегося убийцу за порог, посчитав их проблемы не заслуживающими внимания. А если случится наоборот? Допустим, перед дежурным полицейским возникает фигура щуплого подростка. Смущаясь и запинаясь, тот сообщает, что его приятели собирают бомбу в гараже его отца. И выкладывает целый список юных подрывников.

Какова первая мысль дежурного? Правильно! Парнишку достали одноклассники, и он придумал способ им отомстить. Дежурный рвет тетрадный лист с нацарапанными на нем фамилиями, строго глядит на подростка и выпроваживает вон из отдела. А через два дня на Сенной площади гремит взрыв, и самодельная бомба уносит жизни двенадцати человек. Тут-то дежурный и вспоминает подростка и его список, и у оперативников начинается жаркая пора. Они отправляются в бесконечный поход по школам, где по составленному фотороботу пытаются вычислить подростка. А ведь все могло быть иначе, распознай дежурный правду в его словах.

Или же взглянет дежурный на старенькую бабушку, клюшкой деревянной по мраморным плитам постукивающую, подзовет к себе. Что, мол, бабуля, у тебя стряслось? А она давай рассказывать, как бессонницей мучается да как все ночи напролет возле окна кухонного просиживает. И вот, сидя у этого самого окна, видела она, как двое подозрительных мужиков из подъезда сверток огромный выволокли и в багажник машины запахали. И не преминет заметить, что сверток этот уж больно на человеческое тело похож был. Не труп ли кого из соседей в багажнике ироды увезли?

Дежурный посочувствует бабуле по поводу бессонницы, украдкой посмеется над ее фантазиями, посоветует перед сном принимать ромашковый чай, мол, успокаивает. И отправит восвояси. А через час генералу разнарядка сверху: срочно заняться исчезновением гражданина такого-то, который вместе с ковром из дома исчез, причем той же ночью, про которую бабуся говорила. И снова оперативникам по домам бегай, бабуся разыскивай, чтобы ориентировку на автомобиль получить. А бабуся с обиды на дачу рванула, и где эта дача находится, ни соседи, ни родственники не знают, так как самой бабке она не принадлежит, и отдыхает она у недавней знакомой по поликлинике.

Бабку в итоге опера найдут, приметы автомобиля, что гражданина в ковре увез, получат, да только время уже упущено. Автомобиль перекрашен или на запчасти разобран. Ковер в печи сожжен, а труп рыбы в отдаленном пруду доглядывают. И снова все могло повернуться иначе, окажись дежурный более бдительным. Истории, подобные этим, можно рассказывать до бесконечности. Любого опера, любого следователя и даже прокурорского работника спроси, и он тебе с десятков таких историй расскажет, причем из своего личного опыта.

Вот почему, когда в вестибюль Главного управления МВД угрозыска вошел мужчина бомжеватого вида, дежурный, старший лейтенант Игнатъев, отодвинул в сторону журнал регистрации, но выпроваживать бомжа на улицу не спешил. На вид мужчине было лет сорок пять, или около того, но по опыту Игнатъев знал, что на самом деле ему может быть и двадцать, и тридцать лет. Жизнь на улице никого не красит и сохранению молодости не способствует. Одежда вошедшего, добротная дубленка покроя десятилетней давности, спортивная шапка с подкладкой и стеганые лыжные брюки, все еще хранили на себе следы былого ухода. Видимо, совсем недавно бомжу подфартило, и он наткнулся на «богатую мусорку» или разжалобил кого-то из жителей столицы, и тот пожертвовал ему одежду с барского плеча.

Лицо бомжа оказалось вымытым и даже выбритым, а волосы пусть и неаккуратно, но все же постриженными. Огромного размера варежки из овечьей шерсти довершали картину. В целом бомж смотрелся вполне прилично, да и пах не так одуряюще, как многие его собратья. Тем не менее лейтенанту Игнатъеву он доверия не внушал. Было в нем что-то, отчего у более впечатлительного человека наверняка мурашки по спине побежали бы. Проскальзывало что-то в его взгляде, почти неуловимая искорка безумия, что ли? «Так в фильмах про психушку безумцев-интеллектуалов изображать любят», – подумал Игнатъев, прежде чем бомж заговорил.

– День добрый, гражданин начальник, – вежливо и вполне трезво произнес он. – Не могли бы вы пригласить ко мне товарища полковника?

– Полковника? – Брови Игнатъева слегка нахмурились. – Какого полковника?

– самого главного, разумеется, – вроде как удивился бомж непонятливости дежурного.

– Ну, разумеется. самого главного, кто бы сомневался, – сдерживая улыбку, произнес Игнатьев. – Простите, а я вам не подойду? Я вроде как тоже главный. На этом посту у меня полномочий побольше, чем у иного генерала.

– Не, генерал мне не нужен, – не смутился бомж. – Мне полковник нужен. Он мой друг, мы с ним работаем вместе, а вас я не знаю.

– Так давайте познакомимся, – предложил Игнатьев. – Я – старший лейтенант Игнатьев, а к вам как обращаться?

– Чемберлен я, – заявил бомж, но руку, на радость Игнатьеву, не протянул.

– Значит, Чемберлен? Очень приятно. И для чего, гражданин Чемберлен, вам понадобился полковник?

– Ботиночки вот, – чуть помедлив, словно решая, можно ли обсуждать этот вопрос с лейтенантом, начал Чемберлен. – Хорошие ботиночки, добротные. Ни одной дырочки, я проверил.

– Желаете предложить полковнику ботинки? – улыбнулся Игнатьев. – Не хочу вас разочаровывать, гражданин Чемберлен, но на территории управления торговля запрещена. Даже для самых главных полковников.

– Мои-то прохудились, – пропустил замечание Игнатьева мимо ушей Чемберлен, – а эти прочные, сразу видно. Такие и за десять лет не сносишь. Чудо, а не ботиночки. – И он потряс замусоленным пластиковым пакетом, в который обычно складывают строительный мусор.

На этот пакет Игнатьев обратил внимание сразу, как только бомж вошел в вестибюль, но особого значения этому факту не предал. Бомжи, они на то и бомжи, чтобы весь нехитрый скарб за собой таскать. Теперь же он насторожился, мало ли что у этого Чемберлена на уме. Может, он бомбу в Управление принес. В таких вопросах нужно проявлять бдительность.

– Что в пакете? – отбрасывая панибратский тон, строго спросил старший лейтенант.

– Ботиночки, – невозмутимо ответил Чемберлен. – Прочные и красивые.

– Где взял?

– Нашел. Они в коробке лежали, я коробочку открыл, гляжу, а там ботиночки. Ну я коробку в пакет положил. Для верности.

– А коробка в магазине стояла? – допытывался Игнатьев.

– Да нет же. В подвале. Выкинул ее кто-то. Я – не вор какой, я – честный человек.

– Так чего вы их сюда приволокли? Нашли ботинки – берите и пользуйтесь, – удивился старший лейтенант.

– Боюсь, полковник не одобрит, – заявил бомж. – Мне бы его согласие получить, я бы и ушел.

– Знаешь что, гражданин Чемберлен, – переходя на «ты», сказал Игнатьев, – если каждый бомж станет к полковнику за одобрением ходить и всякий мусор со свалки в Управление таскать, то полковнику и на работу времени не останется. А ему, между прочим, преступников ловить нужно. Шел бы ты отсюда, Чемберлен, подобра-поздорову.

– Без ботинок не уйду, – уперся Чемберлен. – Позови полковника. Разрешит он ботиночки взять, я и уйду.

– Считаю, что разрешение у тебя есть. Выбор твой я одобряю. Крепкие ботинки всегда лучше, чем дырявые. Носи с удовольствием и лейтенанта Игнатьева добрым словом вспоминай. Все, вопрос закрыт.

– Позови полковника. – В голосе бомжа зазвучало то ли раздражение, то ли отчаяние. – Не могу я их взять, пока полковнику не покажу. Куда я содержимое дену? В урну выкину?

– Какое еще содержимое? – переспросил Игнатьев.

– Это я полковнику скажу, к вам у меня доверия нет.

– Ах, доверия нет? Да, это проблема. А что, если я сейчас возьму, да вызову наряд. Оформим тебя в «обезьянник» за нарушение правопорядка, а коробку твою изымем. Тогда доверие появится?

– Зови полковника, – зло глядя на Игнатьева, бубнил Чемберлен. – Он мой друг, мы работаем с ним. Гуров разберется, что делать надо. И ботиночки мне оставит. Гуров – человек, а ты только грозиться умеешь.

– Гуров? Так вот какой полковник тебе понадобился. – Игнатьев бросил взгляд на журнал регистрации. – Так нет его в Управлении, не пришел еще.

– Врешь! Он рано приходит, я знаю, – не поверил его словам бомж. – Зови Гурова или пожалеешь!

– Пока не покажешь содержимое пакета, кроме наряда никого не позову, – поняв, что добром бомж не уйдет, объявил Игнатьев. – Кто тебя знает, что ты с собой притащил. Может, ты убить полковника Гурова решил, а в коробке у тебя бомба самодельная.

Чемберлен молчал минуты две, анализировал слова Игнатьева. Потом осторожно вынул из пакета коробку, но, прежде чем передать ее лейтенанту, еще раз спросил:

– А ботиночки не отберешь?

– Не нужны мне твои ботиночки, – заверил Игнатьев. – У меня своих полна кладовка.

– И Гурова позовешь?

– Позову. Открывай коробку.

Чемберлен еще немного помялся, потом поставил коробку на полку перед Игнатьевым и снял крышку. Старший лейтенант осторожно заглянул, и глаза его поползли на лоб.

– Что это?

– Ботиночки, – спокойно ответил бомж.

– А в ботиночках что?

– Ножки, – так же спокойно сообщил Чемберлен. – Чьи-то ножки, вернее, ступни. Они-то мне ни к чему, а вот ботиночки добротные. В такой мороз в самый раз будут. И размер мой.

– Ты их трогал? – набирая номер полковника Льва Ивановича Гурова, спросил Игнатьев. – Трогал ботинки?

– А как же? К ступне примерял. Так я смогу их забрать?

– Стой, где стоишь, – приказал Игнатьев, а сам поднес трубку к уху, ожидая ответа полковника Гурова.

Телефон внутренней связи выдавал длинные гудки. Либо Гурова не было в кабинете, либо он был занят. «Ну же, давай! Возьми трубку! – мысленно произнес Игнатьев, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. – Черт, почему никого никогда нет на месте, когда это так нужно?» Но вот гудки прервались, из трубки послышался голос полковника:

– Гуров слушает.

– Товарищ полковник, это Игнатьев. Можете спуститься в дежурку?

– Это срочно?

– Очень, товарищ полковник.

– У меня совещание в кабинете генерала через пять минут. До окончания не сможет подождать?

– Не сможет, товарищ полковник. Тут к вам гражданин Чемберлен пришел и кое-что с собой принес. Кое-что интересное, – добавил Игнатьев.

– Подарок, что ли? – пошутил Гуров.

– Подарок, товарищ полковник. Еще какой подарок.

– Ладно, сейчас спущусь.

Уже через десять минут Чемберлен сидел в кабинете Гурова, а полковники Лев Гуров и Станислав Крячко стояли возле стола, на котором громоздилась пыльная коробка, и тарасились на ее содержимое. Внутри коробки чинно выстроилась пара зимних ботинок, надетых на человеческие ноги. Ничего удивительного, если не обращать внимания на то, что тела у этих ног не было. Из меховой опушки ботинок торчали два обломка желтоватой большеберцовой кости, окруженной остатками мышечной ткани и кожи. Запекшаяся кровь образовала сверху

потрескавшуюся корочку. Как ни странно, сами ботинки почти не пострадали. Белую меховую опушку кровь, конечно, залила полностью, но на кожу почти не протекла. Не попала она и на подошву, массивный каучуковый протектор, и даже шнурки почти не забрызгала.

Находку Чемберлена никак нельзя было отнести к разряду заурядных. Чего только операважняки за свою карьеру не повидали, но и их подарок, преподнесенный бомжом, поразил. А вот Чемберлена, похоже, его находка ничуть не смущала. Волновал его один-единственный вопрос: позволит ли полковник Гуров забрать ботинки? Этот вопрос он и задал в первую очередь, как только Гуров прервал молчание.

– Да, хорош подарочек, ничего не скажешь, – отодвигая коробку в сторону, произнес он. – И как только тебя угораздило подобрать эту прелесть?

– Ботиночки уж очень хороши, товарищ Гуров, – суетливо потирая руки, проговорил Чемберлен. – Мне бы такие не помешали. На улице мороз лютый, а я в картонках хожу.

Для наглядности он задрал ноги, демонстрируя операм тонюсенькую подошву демисезонных ботинок с явно обозначившимися дырами по центру. Гуров вздохнул. С Чемберленом судьба свела его лет шесть назад. Тогда Лев расследовал убийство видного политического деятеля из Госдумы, который, как оказалось впоследствии, грешил тем, что, переодевшись бомжом, таскался по значным местам столицы, заводя сомнительные знакомства.

Одним из таких знакомцев и стал Чемберлен. Выбор государственного деятеля был не случаен. Когда-то, в прошлой жизни, как говорил сам Чемберлен, он работал старшим научным сотрудником в одном весьма престижном заведении, специализирующимся на изучении истории. Чемберлен тогда и степень ученую имел, и звание нехилое. Но потом, по странной иронии судьбы, в одночасье лишился всего: и жилья, и работы, и всех ученых званий, и степеней. Такое иногда случается, и не каждый человек находит в себе силы начать все с нуля. Чемберлен не нашел. Он выбрал путь наименьшего сопротивления: запил, а запив, стал опускаться все ниже, пока не дошел до точки невозврата и не превратился в профессионального бомжа.

К моменту знакомства с убитым позднее деятелем Чемберлен лет пять как жил на улице, но цепкий ум и полученные знания не растерял. Вот почему деятель выбрал его себе в друзья. С Чемберленом было о чем поговорить, а не только выпить. В том расследовании бомж оказал Гурову немалую помощь, можно сказать, благодаря его наблюдательности и не пропитой еще памяти полковнику удалось выйти на убийцу и не только разоблачить его, но и задержать. После того случая Чемберлен стал считать Гурова своим другом, а полковник получил нового осведомителя и время от времени обращался к нему за помощью.

И вот теперь Чемберлен сидел в кабинете Гурова и ждал помощи от него. Просьба его выглядела странно, но объяснимо. Человек большую часть жизни проводит на ногах, неудивительно, что о них он беспокоится больше всего. Гуров понимал, что будет вынужден отказать Чемберлену в его просьбе, но не представлял, как это сделать. Ботинки Чемберлена и правда не соответствовали погоде. В такой обуви он наверняка не переживет суровые январские морозы, внезапно обрушившиеся на Москву. Глядя на выражение лица полковника, Чемберлен волновался все сильнее. Молчание Гурова могло означать лишь одно: ботинок ему не видать.

– Так что, плакали мои ботиночки? – не выдержав, прервал бомж молчание.

– Ты же понимаешь, что это улика? – осторожно начал Гуров. – Понимаешь, что я не вправе отдать их тебе?

– Эх, зря я пришел! – досадливо качнул головой Чемберлен. – Вытряхнул бы эти проклятые ступни, оттер бы кровь с меха, и сидел бы сейчас в тепле и довольстве.

– Погоди, не паникуй раньше времени, – вступил в разговор Крячко. – Добудем мы тебе ботинки. Лучше этих.

– Лучше не бывает, – вздохнул Чемберлен.

– Тогда достанем точно такие, – заверил Станислав. – Ты вот лучше расскажи, где коробку нашел?

– Без ботинок у меня и память хуже работает, – пошел на хитрость бомж. Гурову он, конечно, доверял, но ведь на кону серьезный вопрос. Вдруг обманет? – Ножки замерзли, а от них и до мозга холоду пару минут добраться.

– Ладно, поступим так: сейчас я при тебе позвоню кое-кому, дам задание достать тебе зимние ботинки. А пока их найдут и доставят в Управление, мы с Крячко тебя чаем напоим, а ты нам все расскажешь. Как тебе такая идея?

– Ну, если ботинки будут, да еще чай горячий, тогда я согласен, – подумав, ответил Чемберлен. – Только звоните прямо сейчас.

Гуров немного подумал, вспоминая, нет ли среди его знакомых людей, связанных с пунктами приема одежды для бездомных. Ничего не вспомнив, он набрал номер капитана Жаворонкова из информационного отдела.

– Валера, помощь твоя нужна. Найди человека из пункта приема одежды для бездомных и дай ему задание доставить в Управление зимние ботинки. Самые лучшие. Сможешь устроить?

Выслушав ответ Жаворонкова, Гуров прикрыл трубку рукой и обратился к Чемберлену:

– У тебя какой размер обуви?

– Сорок три, – поспешно ответил тот.

Лев передал ответ Жаворонкову и добавил:

– Сделать это нужно как можно быстрее, Валера. Не спрашивай зачем, просто сделай.

Положив трубку, он вызвал спецов из криминалистической лаборатории, передал им коробку с находкой Чемберлена и отдал приказ провести все возможные процедуры в кратчайший срок. За это время Крячко успел вскипятить чайник и приготовить три чайных прибора. Порывшись в тумбочке, отыскал коробку с печеньем и, выставив ее на стол, предложил:

– Двигайся ближе, Чемберлен, угощайся, чем богаты.

На печенье тот даже не взглянул, а вот чашку с дымящимся чаем зажал в ладонях с явным наслаждением.

Отдав все необходимые распоряжения, Гуров снова обратился к бомжу:

– Ботинки будут максимум через час. Приступай к рассказу, Чемберлен.

Пережевая рассказ глотками крепкого чая, Чемберлен сообщил следующее: накануне вечером, в районе Киевского вокзала, он встретился с группой собратьев по несчастью. Почему возле Киевского? Да потому что там менты добрее, погреться к теплым вентиляторам в вестибюле пускают. На ночь, правда, выгоняют, но перед сном косточки погреть тоже неплохо. Пока грелись у тепловой пушки, выяснилось, что у одного из группы, Лехи Хромого, день рождения наклюнулся. Ну как такое дело не отметить? К тому же сердобольные женщины кое-что в ладошку имениннику накидали, да и у других какая-никакая денюга нашлась.

Скинулись, набрали аж восемьсот рубликов. С такими деньгами в супермаркете делать нечего, а вот в частную лавочку обратиться, так бутылок на пять хорошего, в понимании бомжа, разумеется, пошла рассчитывать можно. Именинник место выбрал: Любана с Брянской медицинским спиртом приторговывает, и от вокзала недалеко, и пошло по сходной цене. Прогулялись до Брянской, закупились горячительным. В ларьке неподалеку взяли «запивон» и что-то похавать. Отмечать решили под мостом Богдана Хмельницкого. Время было уже позднее, а там зашкериться можно так, что с Набережной никто не увидит, зато уж вид – закачаешься! Получше, чем из ресторана с Останкинской башни.

Короче, эксклюзив имениннику Лехе устроили. Пили долго и самозабвенно. А как водка к концу подошла, Зойка-Пахлава вдруг любовной страстью к Чемберлену воспылала. Прозвище свое Зойка не за кулинарные способности получила, это и ежу понятно. Поговаривали, что в интимном плане она жуть какая сладкая, насколько вообще бомжиха сладкой может быть. Никому из приятелей-собутельников Зойка не принадлежала, а Чемберлену такой случай нечасто выпадал, потому и не отказал он Зойке. Та повела его в укромное местечко. Шли

долго, Чемберлен заледенеть успел. Шутка ли, на улице минус тридцать, а он в дырявых ботах. Зато когда пришли, жарко стало, что на твоей доменной печи.

Наутро Чемберлен проснулся в полном одиночестве в незнакомом подвале. Выход не вдруг отыскал. Пока искал, на коробку и наткнулся. Заглянул внутрь, а там ботиночки. Крепкие, добротные, а то, что чьи-то ноги из ботиночек вынуть забыли, так это пустяки. Мелочи жизни, по сравнению с такой удачей. Чемберлен коробочку прибрал в пакет и из подвала ушел.

Когда уже по городу тащился, сомнения одолевать стали: хорошо ли он поступит, если ноги в мусорку выбросит? Решил, что нехорошо. Тогда и надумал к Гурову обратиться. Полковнику ступни – ему, Чемберлену, обувка. Чем план плох? Сориентировался на местности и почапал к Управлению, а там дежурный на входе препоны строить взялся. Чемберлен уж решил, что придется все-таки от чужих ног самому избавляться, но потом испугался. Что, если ступни эти найдут, а на них его, Чемберлена, отпечатки пальцев? Тогда уж ему неприятности обеспечены. Пришлось находку дежурному предъявить, чтобы до полковника его допустил.

– Значит, коробку ты обнаружил в подвале многоквартирного дома, – попытожил долгий рассказ Гуров. – Точный адрес?

– Да кто ж его знает? – пожал плечами Чемберлен. – Я там впервые заночевал.

– Бомжиху твою, Зойку, где найти можно? – спросил Крячко. – Она-то наверняка знает, куда тебя водила.

– Точно! Зойка должна знать, – обрадовался бомж, но тут же потух. – Не, ее теперь с собаками не отыщешь.

– Это еще почему? – удивился Лев.

– Вчера сама сказала, что к родственникам вернуться надумала.

– У нее и родственники имеются?

– А как же? Из нашей братии у многих родня есть. В жизни пристроенные, только нашими проблемами голову забивать не хотят. Не знают с нами, одним словом.

– И у тебя родня имеется?

– Я – особый случай, – заявил Чемберлен. – Мне родня ни с какого бока не уперлась. Без них проживу.

– Ладно, оставим это, – поняв, что тема Чемберлену неприятна, произнес Гуров. – Вернемся к Зойке. Она сказала, куда именно собирается? Где ее родственники живут?

– Не помню, – сморщив лоб, ответил бомж. – Кажется, где-то в Подмосковье, но где именно, не скажу. Сестра у нее есть, а у сестры дом в деревушке. Так вот Зойка к ней и поехала, чтобы морозы переждать. Замерзнуть насмерть она боится. Говорит, не хочу, чтобы мое красивое тело ломали от гнилого пола в каком-нибудь подвале отколупывали. Это она на тот подвал, в котором мы с ней кувыркались, намекала. Пол там, и правда, жутко древний. И гнилью пахнет даже в мороз.

– Ну хоть приблизительно ты место помнишь? Улица какая или станция метро неподалеку?

– Где-то в районе метро «Добрынинская», – вспомнил Чемберлен. – Мимо нее я точно проходил, по ней и ориентировался.

– Не хило вы погуляли, – присвистнул Крячко. – От «Киевской» до «Добрынинской» – часа полтора хода.

– Ага, я же говорю, долго шли, – согласно кивнул бомж. – Сегодня тоже немало пройти пришлось.

– Ясно, собирайся, Чемберлен. Прокатимся до «Добрынинской», – заявил Гуров. – Будем твой подвал на местности определять.

– А ботиночки? – бросил тот жалостливый взгляд на полковника. – В этих я и пары метров не пройду. У меня уж и сопли вон до колен отвисли. – И он демонстративно шмыгнул носом.

Гуров сочувственно похлопал бомжа по плечу:

– Ладно, сиди здесь. Все равно нам начальству о находке доложить следует, мы и так совещание пропустили. Пока формальности утрясем, глядишь, и ботинки твои придут.

– Только смотри, ничего тут не трогай, – строго добавил Крячко, которому идея оставить бомжа одного в кабинете не особо вдохновляла. – Сиди как мышь и даже звуков не издавай. Понял?

– А кипяточку еще можно? – с вожделением посмотрел на чайник Чемберлен.

– Чай пей и печенье можешь съесть, но все остальное не лапай, – смягчился Стас.

– Благодарствую, товарищи начальники. – Чемберлен ответом остался доволен. – И не беспокойтесь, я парень тихий. Неприятностей не доставлю.

– Ага, не доставишь, – хмыкнул Стас, следом за Гуровым выходя из кабинета. – Будто ноги в коробке – это сплошное удовольствие.

Дождавшись, когда за хозяевами кабинета закроется дверь, Чемберлен тут же схватился за чайник. Кипятить не стал, налил теплой воды в чашку и выпил залпом. Вчерашние возлияния не прошли даром, «трубы горели» так, что нутро выворачивало, а предложенная полковником чашка чая только усугубила дело. «Не хватало еще пол здесь уделать, – озабоченно подумал он. – Эх, надо было в сортир отпроситься. Худо мне будет, если Гуров вернется, а в его любимом кабинете блевотиной пахнет». Дождавшись, пока тошнота отступит, Чемберлен налил еще один стакан. Бросил взгляд на коробку с печеньем, и в животе снова забурлило. Подумав, закрыл коробку крышкой и убрал в тумбочку, чтобы глаза не мозолила, после чего прикрыл веки и незаметно задремал.

Глава 2

К станции метро «Добрынинская» подъехали двумя машинами. Оперативная группа и эксперты-криминалисты на микроавтобусе, полковники в сопровождении бомжа Чемберлена на личном гуровском авто. Сидя на заднем сиденье, Чемберлен всю дорогу причмокивал языком и оглаживал свои новые ботинки, которые, вернувшись в кабинет, вручил ему Лев. Качеством презент явно уступал тем ботинкам, что нашел бомж, но по сравнению с его дырявыми демисезонками эти ботинки были просто сказкой. Высокие кожаные голенища, подбитые цигейкой, прочная резиновая подошва с мощным протектором и кевларовые «неубиваемые» шнуры.

У метро обе машины остановились. Опергруппу было решено оставить на месте, не таскаться же всей толпой по дворам в поисках нужного подвала. Честь сопровождать Чемберлена полковники взяли на себя. Старшим группы Гуров назначил капитана Лаврикова. Отдав приказ держать телефон наготове, Гуров, Крячко и бомж Чемберлен углубились в московские дворы.

Сначала Чемберлен шел уверенно и как-то даже бойко, но, по мере того как один двор сменял другой, а нужного подвала отыскать не удавалось, бойкости в нем поубавилось. Он все чаще стал постукивать подошвами новеньких ботинок об асфальт, чтобы хоть как-то согреться, и норовил нырнуть в подъезд или подвал, который даже отдаленно не напоминал того укромного местечка, куда накануне привела его Зойка-Пахлава. Гуров и Крячко и сами были бы не прочь забежать в ближайший кафетерий или сетевой супермаркет, чтобы хоть на минуту спрятаться от ледяного ветра.

– Ну и денек для прогулок по Москве ты выбрал, Чемберлен, – после того как бомж, заглянув в подвал, в очередной раз заявил, что места не узнает, ворчливо пробурчал Стас. – За бортом минус тридцать, того и гляди, сопли в сосульки превратятся. Чем дольше я за тобой хожу, тем сильнее меня гнетет мысль: а был ли подвал? Может, ты все это выдумал? Ты скажи, я не рассержусь. Подумаешь, перепутал, с кем не бывает.

– Ничего я не перепутал, – встрепенулся Чемберлен. Предположение Крячко показалось ему обидным. – В подвале я их нашел, в арочке такой низенькой. Я думал, там выход. Сунулся, а там только коробка, и дальше – тупик.

– Тогда где он, тупик этот? – вспылил Стас. – Два часа ходим, подвалов этих уже штук двести осмотрели, а твоей хваленной арочки не нашли.

– Была арочка, – настаивал Чемберлен. – В подвале была!

– Так что же ты до сих пор нас к этому подвалу не привел? – зарычал Крячко. – У меня уже не только уши, задница в ледышку превратилась. Хоть в царство Снежной королевы отправляй.

– погоди, Стас, не шуми. – Гуров отодвинул в сторону Крячко и обратился к Чемберлену: – Послушай, приятель, я тебе верю. Ботинки ты нашел в подвале. Там была арочка, которая вела в тупик. А снаружи подвала, у дома были какие-то особые приметы? Может, беседка витая во дворе или качели-лодочки. Видел ты в том дворе качели?

– Не, товарищ друг-полковник, – расстроено покачал головой Чемберлен. – Не запомнил я примет. Так рад ботинкам был, что и по сторонам не смотрел. Ни качелей не видел, ни беседку. Вообще ничего.

– Ты не спеши, – настаивал Гуров. – Пстой, подумай. Глаза закрой, сосредоточиться помогает. Попытайся мысленно назад вернуться. Вот ты взял коробку, заглянул, увидел ботинки. Что потом?

Бомж послушно зажмурился и стал вспоминать:

– Потом я их осмотрел как следует, нет ли дыр или лопин. Потом к стопе приладил, размер сравнил. Надеть-то я их не мог, сами понимаете.

– Понимаю, Чемберлен, – поддержал его Гуров. – Ты о том, что дальше было, вспоминай. Убрал ботинки назад в коробку, взял коробку под мышку...

– Не, под мышку не совал, она большая. Я ее в пакет мусорный засунул. У меня всегда с собой пакет есть. На всякий случай – вдруг я что-то полезное найду, а сложить не во что? А так всегда наготове.

– Хорошо, сложил коробку в пакет, закинул его на плечо и пошел из подвала, – снова направил воспоминания Чемберлена в нужное русло Лев.

– Точно! Я его на плечо забросил, – почему-то обрадовался бомж. – Два поворота прошел, гляжу – дверь впереди. Открытая, а за ней бульвар виден.

– Какой бульвар? – ухватился за слова Гуров.

– Ну, не то чтобы бульвар, – пожал плечами Чемберлен. – Просто улица широкая и проезжая часть в четыре полосы. А по краям деревья посажены, тоже в два ряда. Я, еще когда из подвала вылез, на ящик облокотился, и пока глаза к свету привыкали, подумать успел: летом здесь, поди, красота.

– И что потом?

– А что потом? Потом я прямиком по этой улице и почапал. На улице этой, помню, кафешек на каждом углу понатыкано, помню, потому что мучило меня от запахов. А они, зараза, по всей улице разлились. Мороз, что ли, этому способствует? Так до «Добрынинской» и дошел. – Чемберлен открыл глаза. – А от «Добрынинской» уже к вам.

– Ты сказал, на ящик оперся, – напомнил Гуров. – Что за ящик?

– Красный такой, металлический. Им вентили газовые в старых домах закрывают.

– Значит, дом был старый. Фасады у таких домов оштукатурены в серый или коричневый цвет. Твой коричневый был?

– Не, он вообще без штукатурки. Простой кирпич. Старый, правда, но вполне еще ничего. Штукатурка только до окон первого этажа.

– И ящик этот у подвальной двери, а дверь возле подъезда, верно?

– Дверь торцевая, с узкой стороны дома.

– Ладно, давай попробуем пройти обратным путем, – предложил Гуров. – Сейчас дойдем до метро, а оттуда снова по твоему вчерашнему маршруту, может, что и вспомнится. Ты, главное, не глазами смотри, а на ощущения опирайся. Запахи, звуки, вот на что нужно внимание обращать. Ты понял, Чемберлен?

– Понял я, понял, – кивнул бомж и направился в сторону станции.

Гуров и Крячко поплелись следом. Время от времени Чемберлен останавливался, закрывал глаза и «прислушивался к ощущениям», потом недовольно морщился, сокрушенно качал головой и шел дальше. Опера-важняки ему не мешали, старались держаться в сторонке. На ходу Чемберлен бубнил что-то себе под нос, принюхивался, осматривался и вообще вел себя, мягко говоря, своеобразно. Редкие прохожие с опаской косились на странную троицу и поспешно переходили на другую сторону улицы. Когда Гуров начал всерьез опасаться, что эксперимент с памятью Чемберлена ни к чему не приведет, тот вдруг застыл как вкопанный, в очередной раз принюхался, осмотрелся и заорал на всю улицу:

– Нашел! Я его нашел, товарищ друг-полковник!

Гуров и Крячко подтянулись ближе.

– Чего орать-то? – проворчал Крячко. – Нашел, так показывай.

– Вот! Вот же! – Чемберлен продолжал орать, тыча пальцем куда-то в сторону. – Я же говорил, что найду!

Гуров посмотрел в ту сторону, куда указывал палец бомжа... и ничего похожего на прежнее описание дома не увидел. Стас тем временем внимательно вглядывался в дома, стоящие вдоль дороги, и хмурился.

– Ну, и где же твой торец с красным ящиком у двери? – спросил он. – Что-то я его не наблюдаю.

– Там, где булочная, – воодушевленно вопил Чемберлен. – Баранка у входа, а за ней мой домик. Пойдемте-же скорее, я вам все покажу!

Он сорвался с места и помчался к булочной. Операм ничего не оставалось, как последовать за ним. Перешли дорогу, добрались до булочной и завернули за угол. Чемберлен уже стоял возле трехэтажного дома постройки сталинских времен и довольно улыбался.

– И это твоя пятиэтажка из кирпича? – оглядывая строение, спросил Крячко.

– Ну, ошибся малость, с кем не бывает.

– Да мы мимо него раз пять проходили, – возмутился Стас. – А теперь ты вдруг его признал? Может, снова перепутал?

– Не, теперь точно узнал. За углом дверь, а возле нее ящик металлический. Сами загляните – и увидите.

Все трое двинулись с места, обогнули дом. За углом действительно находилась дверь, а возле нее пресловутый ящик.

– Ну вот! Я же говорил! – радостно завопил Чемберлен. – Полезли в подвал, я вам и остальные приметы покажу.

– Так его же не видно с дороги, – в недоумении произнес Гуров. – Как же ты его разглядел?

– По запаху, – довольно произнес бомж. – Сработал ваш метод, товарищ друг-полковник. Я глаза-то закрыл, чую, корицей пахнет. Точь-в-точь, как утром. Мутило меня, я ведь говорил. А на корицу у меня особый нюх. Я ее с детства терпеть не могу, вот и вспомнил.

– Ладно, пошли в подвал, – предложил Лев.

Подвальная дверь оказалась незапертой. Внутрь проникли беспрепятственно. Там Чемберлен немного поплутал, но потом вышел к арке, в которой и обнаружил коробку с подарком. Убедившись, что дом найден верно, Гуров вызвал бригаду.

С момента появления в кабинете Гурова бомжа Чемберлена прошло двое суток. В подвале указанного бомжом дома труп, которому могли принадлежать ноги из коробки, обнаружить не удалось. Оперативная группа провела все положенные мероприятия и вернулась в отдел. Гуров и Крячко отправились на доклад к генералу. Станислав втайне надеялся, что генерал Орлов поубавит рвение не в меру старательного напарника и прикажет отдать находку, а вместе с ней и дело, местным операм Добрынинского района. В конце концов, это ведь на их земле ноги без тела обнаружили. Но надежды его не оправдались. По непонятной ему причине дело генерала заинтересовало, да еще как. Не успел Гуров закончить доклад, как Орлов выдал свой вердикт: тело потерпевшего отыскать, причину странного происшествия выяснить, личность правонарушителя установить, задержать и предать суду. И все это в кратчайшие сроки.

Сколько ни ворчал Крячко на Льва, сколько ни проклинал бдительность Чемберлена, а работу выполнять пришлось. Хорошо еще, сводки происшествий в последнее время все больше возню в детской песочнице напоминали – никаких серьезных происшествий за десять дней, такое нечасто случается. Столичные правоохранители приписывали затишье аномально крутым морозам, мол, в такую погоду не то что собаку, третьесортного воришку из дома не выманишь. Полковникам Гурову и Крячко это было только на руку. Пользуясь случаем, выпросили себе в помощники целую бригаду. Правда, и дел для этой бригады напланировали немалое.

Двое суток шесть человек, не считая самих полковников, кружили вокруг «Добрынинской», выискивая свидетелей. Двое суток Гуров и Крячко шерстили все районные больницы, морги и другие места, где складировали неопознанные трупы. Поиски их не увенчались успехом, отыскать пропавшее тело ни районные опера, ни полковники с Петровки не смогли. Тогда Гуров выдвинул новую версию: пусть тела нет, но ведь человек должен быть? Должен. Только в совокупности со ступнями. В больницы с подобным увечьем никто не обращался, значит, вывод может быть только один: тело должно числиться в пропавших без вести.

К тому времени эксперты работу с содержимым коробки закончили и вердикт окончательный выдали: конечности принадлежали мужчине тридцати – тридцати трех лет, рост выше среднего, материальное положение, судя по качеству обуви, весьма недурное. По этим данным и начали поиск. Всех, кто подходил по параметрам, помощники вносили в отдельный список, который обрабатывали уже сами Гуров и Крячко. В отдел вызывали родственников, подавших заявление о пропаже члена семьи, проводили предварительную беседу, после чего предъявляли на опознание обувь.

Список родственников получился внушительным. Да и как ему быть иным? Если верить статистике, а она не оставила без внимания и этот вопрос, в России за год пропадает без вести около ста тысяч человек, правда, больше половины из них находятся еще до того, как их объявят в розыск. Пятая часть от оставшегося числа приходится на пропажу несовершеннолетних, но и той цифры, что остается в голом остатке, операм с Петровки за глаза хватило. Учитывая состояние родственников, времени на их опрос потребовалось немало.

К полудню третьего дня, чтобы ускорить процесс, Лев и Станислав разделились. Стас занял соседний кабинет, выпроводив оттуда опергруппу, а Гуров остался на месте. В дежурке родственников встречал лейтенант Игнатъев и скоренько разводил по кабинетам. О том, что полковник Крячко питает слабость к лицам противоположного пола, будь то потерпевшие или свидетели, знали все сотрудники отдела, включая лейтенанта Игнатъева. На Петровке эта тема была чуть ли не анекдотом. Вот почему так вышло, что молодую, весьма эффектную женщину, пришедшую по вызову на Петровку, лейтенант Игнатъев проводил именно к Крячко.

А дама была действительно яркая штучка. Высокая, куда выше самого Стаса, фигура, что у той фотомодели, волосы густые, темные, красивыми локонами спадают на дорожную шубку. А глаза! Какие глаза! Небесно-голубые, с поволокой. И совершенно беспомощный взгляд. При виде такой красоты Крячко тут же подскочил с кресла, метнулся к входной двери и, ухватив даму под руку, собственноручно повел к приготовленному для посетителей креслу. Игнатъева он поспешно выпроводил из кабинета небрежным взмахом руки. Спрятав лукавую улыбку, лейтенант прикрыл дверь и отправился за очередным страждущим родственником.

– Доброго дня, барышня, – пропел Крячко, оценивающим взглядом осматривая представительницу противоположного пола. – Весьма сожалею, что пришлось встретиться при столь печальных обстоятельствах. Представьтесь, пожалуйста.

– Плотарева Ирина Аркадьевна, – представилась молодая женщина. Восхищение во взгляде полковника и его явное желание произвести впечатление посетительницу ничуть не смутило, видимо, она успела привыкнуть к подобной реакции на свою внешность и не обращала на это внимания. – А вы, полагаю, тот полицейский, что занимается розыском пропавших без вести?

– О нет, мадам, я служу в ином ведомстве, – не без гордости заявил Станислав. – Позвольте представиться: полковник Крячко, старший оперуполномоченный по особо важным делам, а если проще, то убойный отдел Главка. Расследую преступления, совершенные с особой жестокостью и цинизмом.

– Что? Как вы сказали? С особой жестокостью? – Румянец в одну секунду спал с лица дамы. – Хотите сказать, что моего... моего... моего...

Договорить фразу она так и не смогла. Глаза ее расширились от ужаса, и из них мгновенно полились слезы. Будто кран кто открыл. При этом на лице женщины не дрогнул больше ни один мускул. Губы не свела гримаса отчаяния, лоб не прорезали морщины, даже подбородок не дрогнул. Так она и сидела, красивая и какая-то неживая, а по щекам катились крупные, размером с горошину, слезы. Смотреть на это было неприятно, будто кукла резиновая, начиненная для натуральности водой, от кнопочки сработала. Желание флиртовать с посетительницей тут же испарилось, а вот сожаление о том, что довел женщину до слез, осталось. Крячко пошарил в ящичке стола, достал упаковку бумажных салфеток, заготовленную кем-то из оперов, протянул упаковку даме и с искренним раскаянием в голосе произнес:

– Простите, Ирина Аркадьевна, это я ляпнул, не подумав. Конечно же, я не имел в виду ничего конкретного. И с вашим мужем, быть может, все в порядке. Даже наверняка. Вот мы с вами сейчас немного побеседуем и выясним это. Вы только успокойтесь. А хотите водички?

Стас налил воду из графина, поднес к губам Ирины. Та послушно сделала глоток, но стакан из его рук не взяла.

– Спасибо, – поблагодарила она, пытаясь сдержать слезы. – Я сейчас успокоюсь. Просто ваши слова прозвучали так неожиданно. Я ведь до сих пор надеюсь, что мой брат вернется домой, понимаете?

– Ваш брат? – переспросил Крячко.

– Да, мой брат. Я подавала заявление о его пропаже около двух недель назад. Сначала думала, он либо у меня объявится, либо домой вернется, а когда у него отпуск закончился, а он на работу так и не вышел, то поняла, что ждать больше нельзя. Собралась с духом и пошла в полицию.

– Плотарев Олег Аркадьевич, тридцати одного года, не женат, детей нет. Постоянное место проживания: город Сортавала. – Крячко отыскал нужный документ в стопке с заявлениями и теперь читал вслух. – Так, значит, вы его сестра?

– Все верно, я сестра Олега, – ответила Ирина и зачем-то добавила: – Младшая.

– Город Сортавала. Это где же такой находится?

– В Карелии, – ответила Ирина. – Несколько лет назад Олег переехал туда на постоянное место жительства. С тех пор в Москве бывает наездами.

– У вас гостит?

– У меня. Нечасто, правда, но я не в обиде. Сами понимаете, работа, – улыбнулась она печальной улыбкой. – В этом году ему удалось выбить отпуск на новогодние праздники, мы провели их вместе. Третьего числа он уехал на вокзал, но домой так и не вернулся.

– Как вы об этом узнали?

– Он должен был позвонить и не позвонил. Созванивались мы часто, а тут ни одного звонка. Даже с вокзала не позвонил, я поэтому и забеспокоилась.

– Значит, вы не уверены в том, что Олег воспользовался купленным билетом?

– Я теперь ни в чем не уверена. – Глаза Ирины снова наполнились слезами. – Боюсь, с Олегом произошло что-то страшное.

– Для этого есть причины?

– Что вы имеете в виду?

– Ничего конкретного. Просто пытаюсь выяснить обстоятельства его исчезновения. Вам не показалось, что ваш брат накануне отъезда вел себя необычно?

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь, – растерялась Ирина.

– Возможно, он нервничал или был чем-то обеспокоен, – пояснил Крячко. – Быть может, с кем-то встречался в то время, когда гостил у вас. Или получал неприятные звонки.

– Нет, ничего подобного не было, – подумав, ответила женщина. – Все было как обычно. Олег купил елку, мы вместе ее наряжали, прямо как в детстве. Знаете, Новый год в нашей семье всегда был особым праздником. Таким праздником, который принято отмечать на широкую

ногу. Олег был весел, все время шутил. Радовался отдыху, он на работе сильно устает. Не физически, морально.

– А кем работает ваш брат? – перебил ее Крячко.

– Он – экономист на деревообрабатывающем предприятии Сортавалы. Предприятие довольно прибыльное, работы, как вы понимаете, у Олега много, – объяснила Ирина. – Он, можно сказать, второй человек после директора, вся документация на нем.

– Какого числа он должен был выйти на работу?

– Сразу по приезде. Пятого его уже ждали.

– Вот вы сказали, что работа у Олега тяжелая, что вы имели в виду?

– Хотите узнать, не связано ли его исчезновение с неприятностями на работе? – догадалась Ирина. – Не думаю. Он ведь не финансист, материальной ответственности на нем нет. Да и, насколько я знаю, у них на предприятии все законно, так что этот вариант можете исключить сразу.

– К сожалению, в подобных случаях мы обязаны проверять все варианты, даже самые невероятные, а проблемы на работе вовсе не такая уж редкость. Допустим, у вашего брата все же возникли какие-то трения с начальством. Сказал бы он вам об этом?

– Вряд ли. Он старался оберегать меня от неприятностей. Никогда ничего не рассказывал. Я раньше как-то не задумывалась об этом, но сейчас, когда вы спросили, поняла: о жизни брата в Карелии я мало что знаю.

– Хорошо, вернемся к его визиту в Москву.

Крячко решил не углубляться в отношения брата и сестры, пока факт принадлежности найденных конечностей пропавшему Плотареву не будет доказан. По какой-то причине разговор с Ириной все время уводил Стаса в сторону. Все, что нужно было сделать, – это предъявить ботинки Ирине и получить четкий ответ: принадлежат ли они пропавшему брату, но он почему-то медлил. То ли чувства красивой женщины щадил, то ли была другая причина, он и сам не понимал.

Во всех других случаях Стас придерживался стандартного протокола: выяснял рост, вес, возраст и, если эти параметры совпадали, предъявлял обувь. Родственник пропавшего заявлял, что данный ботинок пропавшему не принадлежит, и Крячко с легким сердцем прощался с посетителем, пообещав, что его делом займутся соответствующие службы. Но в случае с Ириной все с самого начала пошло не по плану, и теперь ему никак не удавалось вернуться в накатанную колею и продолжить опрос Плотаревой по четко отработанной схеме. Он понимал, что нужно переходить к предъявлению единственной вещи, которая может помочь в идентификации, но понимал также, что, если Плотарева опознает вещь, как принадлежащую брату, ее слабая надежда на то, что брат жив, исчезнет. Однако выполнить данную процедуру было необходимо, в противном случае весь дальнейший разговор не имел смысла. Пустая трата времени, которого и так не хватало. Решившись, Крячко выставил перед Ириной коробку:

– Ирина Аркадьевна, прежде чем мы продолжим разговор, вам необходимо пройти через одну процедуру. Процедура эта довольно простая, но для вас она может оказаться, как бы это помягче сказать... определяющей. Поэтому я должен задать вам один вопрос. Вы готовы на него ответить?

– Я должна опознать чье-то тело? – внезапно побледнев, спросила Ирина.

– Нет. Нет, конечно, – поспешил успокоить ее Стас. – Никаких тел я вам предъявлять не собираюсь. Это всего лишь предмет одежды, вернее, обуви. Вы хорошо помните, как выглядит обувь, в которой ваш брат уехал на вокзал?

– Да, я это помню, – медленно произнесла Ирина. – На нем были ботинки, которые я подарила ему на Новый год. Понимаете, он приехал ко мне в ужасающего вида чунях. Обувь выглядела просто ужасно. Старые стоптанные кирзачи. Не представляю, о чем он только думал, наряжаясь в это убожество. Олег, он просто не в состоянии следить за своей внешностью. Нет,

не в плане гигиены, с этим у него проблем не было никогда. Но вот что касается одежды, тут у него абсолютно отсутствовал вкус. Он мог нарядиться в невероятное старье и носить его с таким видом, будто это последний писк моды. Я же к внешности отношусь довольно трепетно, поэтому вид его невероятной обуви привел меня прямо-таки в ступор. Я заранее приготовила ему подарок, но, увидев его чуни, решила потратиться еще немного. Затащила его в обувной магазин и купила приличную обувь.

– Ботинки на высоком протекторе? – После долгих объяснений Ирины Крячко уже не сомневался, что идентификация подошла к завершающей стадии. Вопреки логике, осознание данного факта его не обрадовало.

– Да, я купила ему ботинки на высоком протекторе, – внезапно севшим голосом произнесла Ирина. Похоже, и до нее дошло, что речь идет о совершенно конкретных ботинках и все ее надежды вот-вот рухнут.

Крячко все еще медлил. Он смотрел на Ирину сочувствующим взглядом, но коробку не открывал. Ирина нервничала все сильнее и, переводя взгляд с коробки на его лицо, затем снова на коробку, бледнела все больше.

– Послушайте, хватит уже ходить вокруг да около, – наконец не выдержала она. – Я не собираюсь падать в обморок или делать что-то в этом роде. Поверьте, я готова к худшему. Неведение все равно хуже всего. Я две недели места себе не нахожу, все думаю, где он, что с ним, жив ли или уже мертв? И мысль о смерти мне кажется не такой ужасной, как мысль о том, что Олег в руках негодяев, которые его мучают, может, даже истязают. Смерть – это окончательно, мучения же бесконечны. Так не мучайте меня! Покажите эти проклятые ботинки, и покончим с этим! Ведь в коробке у вас ботинки?

Стас не ответил. Вместо этого он открыл коробку и вынул ее содержимое. Ирина взглянула на него, громко охнула и снова залилась слезами. На этот раз слезы ее были натуральными. Она плакала так, как и должна плакать живая женщина, с обычными чувствами. Ее лицо скривилось, губы раскрылись в немом крике, подбородок затрясся. Несмотря на трагичность ситуации, Крячко вздохнул с облегчением: как вести себя с убитыми горем женщинами, он знал прекрасно. Бросив ботинок на стол, он подскочил к Ирине, поднес к ее губам стакан с водой и, приобняв за плечи, принялся успокаивать ее, как маленькую девочку:

– Ничего, ничего, все будет хорошо. Плохое иногда случается. Так бывает в жизни. Но это еще не конец, жизнь наладится, вот увидите. Да, сейчас вам плохо, понимаю и сочувствую вашему горю. Попейте воды. Поверьте, вам станет легче. Может, валерьяночки? Или вызвать врача?

Ирина плакала самозабвенно. За все дни ожидания. Слезный поток, казалось, не иссякнет никогда, но так всегда кажется. На самом деле это никак не соответствует действительности. Слезы иссякают, ресурсы организма находят новые лазейки, и человек берет себя в руки куда быстрее, чем сам ожидал. Так случилось и с Ириной. Минут через пять рыдания стихли, уступив место тихой печали и скромному ручейку одиноких слезинок. Она отстранилась от Стаса, забрала у него из рук стакан с водой, осушила его до дна и, почти спокойно, задала вопрос:

– Где вы его нашли?

Крячко никак не ожидал такого вопроса. Обычно в такой ситуации люди ведут себя совсем иначе, и вопросы задают совсем другие. Ирина же посчитала самым важным вопросом тот, который на ее месте задал бы следователь, ну или на худой конец адвокат. Поэтому с ответом он замешкался. Ирина взглянула ему в глаза и, видимо, что-то там прочла, потому что, печально улыбнувшись, произнесла:

– Он мертв. Мой брат мертв, а вы, специалист убойного отдела, расследуете дела, совершенные с особой жестокостью. Бедный Олежек! Бедный Олежек! Кто, кто мог его убить?!

– Мы не уверены в том, что имеет место факт убийства, – с расстановкой, чтобы до помутненного горем сознания Ирины дошли его слова, произнес Крячко. – На данный момент мы только допускаем такую вероятность.

– Что? Что вы сказали, повторите! – Ирина судорожно вцепилась в его руку. – Разве этот ботинок не доказывает, что мой брат мертв?

– Вовсе нет, – поспешил заверить Стас и тут же пожалел о сказанном, так как в глазах Ирины снова заискрилась надежда, и теперь он вынужден был объяснять причину возникновения ботинка. – Дело в том, что нами обнаружен только этот фрагмент одежды. Только ботинок, понимаете? Самого тела мы не нашли.

– Нет, не понимаю, – искренне призналась Ирина. – Если вы нашли всего лишь ботинок, чего ради вы притащили меня сюда, в это ужасное заведение, и мучаете вопросами? Если нет тела, для чего я здесь? Или теперь полиция интересуется всеми ботинками, которые находит на улице, или где вы там его нашли?

На эту тираду Крячко не нашелся, что ответить. Сказать Ирине о том, что в ботинках находились ступни ее брата, он не решился. Да и как о таком скажешь? Вместо этого он протянул руку к аппарату внутренней связи и, набрав номер Гурова, негромко произнес:

– Лева, зайди ко мне. Похоже, нашелся хозяин ботинок. После этого отцепил руку Плотаревой от своего рукава, налил ей очередную порцию воды и уселся в кресло в ожидании прихода Гурова. Тот не заставил себя ждать. Дверь открылась буквально через минуту. Лев заглянул в кабинет, бросил взгляд на заплаканную женщину, на ботинок, стоявший на столе, многозначительно хмыкнул и произнес короткую фразу:

– Отпущу посетителя и к вам. Ждите. – После чего снова скрылся за дверью.

Спустя еще минуту он сидел напротив Ирины Плотаревой и внимательно слушал доклад Крячко.

– Восьмого января в районный отдел поступило заявление от гражданки Плотаревой Ирины Аркадьевны, которая утверждала, что ее брат, Плотарев Олег Аркадьевич, пропал без вести, предположительно покинув Москву третьего января и не прибыв на место постоянного проживания, которое находится в городе Сортавала, в Карелии. Заявление сестры зарегистрировали восьмого января, по факту исчезновения Плотарева Олега были проведены соответствующие ситуации действия. Означенный выше Плотарев Олег числится в списке без вести пропавших с восьмого января по настоящий день. Сестра пропавшего Плотарева Олега признала в предъявленных ей для опознания ботинках обувь брата. Именно в эти ботинки он был обут в день исчезновения или в день, когда сестра видела его в последний раз.

– Ирина Аркадьевна, не хотите, чтобы вас осмотрел врач? – выслушав напарника, обратился к женщине Гуров. – Мне кажется, ваше состояние можно отнести к критическому.

– Я в порядке, – подавляя рыдания, произнесла Ирина. – Если вам нужна моя подпись, я готова.

– Подпись?

– Ну да. Я же опознала ботинки. Разве вам не нужны мои письменные показания?

– И вы уверены, что это ботинки Олега? – уточнил Лев. – Или данный вид обуви изготавливается на заказ?

– Нет, гражданка Плотарева купила их в подарок брату в сетевом магазине, – пояснил Крячко.

– Ну вот. Это значит, что ботинки могут быть лишь из той же партии, что и ботинки вашего брата. Ирина, я понимаю ваше состояние, но вынужден спросить еще раз: вы уверены, что это именно те ботинки, в которые был обут ваш брат в день исчезновения?

– Да, я уверена, – кивнула Ирина. – Вот, видите эту строчку? Она трижды прострочена, и одна из ниток не соответствует цвету ботинок. За эту ниточку мне дали скидку в двадцать бак-

сов. Смешно, правда? Я вытребовала скидку за дефект, который помог мне опознать ботинки мертвого брата.

Она нервно хохотнула, и Гуров, взглянув на Крячко, распорядился:

– Стас, организуй успокоительное гражданке Плотаревой.

Тот быстро вышел из кабинета. Проводив его взглядом, Ирина снова заговорила:

– Вы не переживайте, я в порядке. Я уже говорила вашему товарищу, что не собираюсь падать в обморок. Думаю, я с самого начала знала, что так случится.

– Что вы имеете в виду? – уточнил Лев.

– То, что мой брат мертв, – просто ответила Ирина. – Понимаете, он не из тех людей, которые способны все бросить без объяснений. Я знаю, что такое иногда случается. Некоторые люди исчезают просто так. Уходят из дома с целью исчезнуть, и больше о них никто и никогда не услышит. Но мой Олежка не из таких. Он мог бросить работу, мог бросить дорогую квартиру, да все что угодно мог бросить, но чтобы так поступить со мной? Нет, на это он был не способен! Он обязательно сказал бы мне. Оставил бы надежду, понимаете?

– Нет, не понимаю, – искренне признался Гуров. – Я не понимаю, как ваш брат мог бросить работу, но предупредить вас о своем исчезновении. Когда человек решается на подобное, он рассчитывает на то, что об этом никто не узнает. Скажи он вам о своих намерениях, и вы стали бы легкой добычей для его кредиторов или для кого-то, от кого он пытался бы скрыться.

– Вы думаете, у него проблемы финансового характера?

– Я ничего не считаю, просто делаю выводы из ваших же слов. Вы высказали предположение, что он мог скрыться, оставив работу, но непременно сообщил бы о своем намерении вам. Вот я и сделал вывод.

– Я ничего подобного не утверждала, – растерялась Ирина.

– Тогда давайте оставим домыслы и вернемся к реальным событиям. Вы согласны?

Ответить Ирина не успела, вернулся Крячко с прозрачным стаканом в руках и протянул его ей:

– Вот, это успокоительное. Медики рекомендуют. Ясность мысли вы не потеряете, но душевная боль должна отступить. Выпейте, полегчает.

Ирина приняла стакан из рук Крячко, послушно выпила содержимое и, поморщившись, произнесла:

– Гадость какая! Надеюсь, вы не собирались травить меня?

– Ни в коем случае, – заверил Стас. – Это всего лишь сбор определенных трав. Народное средство, можно сказать.

– Вернемся к ботинкам, – прервал его Гуров. – Итак, вы утверждаете, что ботинки, предъявленные вам полковником Крячко, являются ботинками вашего брата, так?

– Да, – коротко ответила Ирина.

– Основанием для подобного утверждения является заводской брак на левом ботинке в виде несоответствующего по цвету стежка, так?

– Да. – Снова ответ Ирины оказался весьма лаконичным.

– Хорошо. Раз вы уверены в данном факте на сто процентов, мы можем сообщить вам подробности. Дело в том, что данный предмет обуви был обнаружен в подвале дома номер восемь по Первому Лосиновскому переулку, расположенному в районе метро «Добрынинская». Вам знаком этот адрес?

– Нет, я впервые о нем слышу, – заявила Ирина, и выражение лица лишь подтверждало ее слова.

– Однако так и было. Ботинки обнаружены именно там. Попытайтесь вспомнить, не проживал ли кто-то из знакомых Олега по этому адресу?

– Если и проживал, я об этом не знала. И вообще, почему я должна отвечать на ваши вопросы? Вы нашли ботинки моего брата, значит, вы должны предъявить мне его тело, разве нет?

– Боюсь вас шокировать, – медленно проговорил Лев, – но тела вашего брата в подвале найдено не было.

– Тогда почему вы решили, что мой брат убит?

– Разве мы говорили об этом? Речь шла только о ботинках.

– И снова тот же вопрос: неужели теперь находка бесхозных ботинок приравнивается к преступлениям, совершенным с особой жестокостью?

Гуров недоуменно посмотрел на Крячко. Тот пожал плечами и пояснил:

– Дело в том, что я сообщил гражданке Плотаревой, какого рода расследованиями занимается подразделение, в котором я служу. Выводы она сделала сама.

– Ты не сказал ей о... – начал Лев, но Стас его остановил, раздраженно бросив:

– Да, я ей об этом не сказал. А как прикажешь это сделать? Я просто не смог.

– О чем вы? – вклинилась в разговор оперов Ирина. – Вы что-то недоговариваете? Говорите немедленно, что не так с этими ботинками? Я же чувствую, что-то не так!

– Гражданка Плотарева Ирина Аркадьевна, – одарив Крячко гневным взглядом, заговорил Лев, – дело в том, что данные ботинки – не единственная находка, обнаруженная в доме номер восемь. Хозяин ботинок лишился не только их.

– Я вас не понимаю, – растерялась Ирина. – Вы сказали, что тело брата не найдено. А теперь говорите, что нашли не только ботинки. Говорите же, наконец, в чем дело? Есть еще предметы, которые я должна опознать?

– Боюсь, остальное опознанию не подлежит, – мялся Гуров. – Разве что идентификации со стороны криминалистов.

– О боже, да скажете вы, наконец, в чем дело! – в сердцах вскричала Ирина.

– В ботинках нашли отрубленные ступни, – выпалил Крячко. – Кто-то отрубил ноги вашего брата, вместе с ботинками, и бросил их в районе метро «Добрынинская».

– Ступни? Вы хотите сказать, что нашли ноги моего брата? – Ирина отшатнулась от Крячко. – Я не понимаю. Совершенно ничего не понимаю...

– Мы еще не уверены, но проверка не займет много времени, – мягко произнес Лев. – Сейчас мы передадим данные о вашем брате в отдел, занимающийся идентификацией. Они сравнят группу крови, проведут ряд анализов, и тогда мы будем знать наверняка, вашему ли брату принадлежит обувь. От вас же нам понадобится подробный отчет обо всем, что делал ваш брат в период посещения Москвы. Надеюсь, вы готовы к сотрудничеству?

Ирина не ответила. Она тупо смотрела на выложенный на столе ботинок и улыбалась. Улыбка ее навевала воспоминания о фильмах, где умалишенные пациенты жизнерадостно играли в глупые детские игры во дворе спецклиники. Гуров перехватил обеспокоенный взгляд Крячко и, сдавшись, так же мягко сказал:

– Ирина Аркадьевна, я распоряжусь, чтобы вас отвезли домой. Завтра, если ваше самочувствие позволит, мы продолжим беседу. А пока можете быть свободны.

Вызвав бригаду «Скорой помощи», он объяснил ситуацию и попросил врачей отнестись к пациентке с особым вниманием. Спустя двадцать минут Ирину на машине «Скорой помощи» доставили домой.

Глава 3

После того как Ирина Плотарева была отправлена домой, Гуров распорядился сворачивать опрос по заявлениям родственников. Он связался с районным отделом полиции Сортавалы, обрисовал ситуацию и попросил помощи местных властей. Те сработали быстро и четко, благо время было не позднее. К пяти часам вечера у Гурова на столе лежал отчет районных оперов Сортавалы и криминалистов из экспертной лаборатории. Проведенный генотипоскопический анализ ДНК останков и совпадение по группе крови практически на сто процентов исключили ошибку: отрезанные ступни принадлежали Олегу Плотареву.

В отчете сортавальских оперов также подтверждался факт исчезновения данного гражданина. На работу ни в положенный срок, ни позднее он не явился. Звонком начальство о временном отсутствии не уведомлял, да и знакомые Плотарева по Сортавале не слышали и не видели его с конца декабря. Квартира Олега пустовала, соседи в один голос утверждали, что из Москвы он не возвращался. Что касается проблем на работе, с этим оказалось сложнее. По своим каналам сортавальские опера выяснили, что у фирмы, в которой работал Плотарев, имеются определенные трудности, но связаны ли они с самим пропавшим, выяснить не удалось. Опрос коллег и друзей однозначного ответа на вопрос, были ли у Плотарева враги или финансовые трудности, не принес, хотя некоторые из опрошенных такую вероятность не исключали.

Последующая беседа с Ириной Плотаревой ясности в картину жизни пропавшего брата не внесла. Молодая женщина была убита горем и во время беседы больше плакала, чем отвечала на вопросы. Общими усилиями Гуров и Крячко выяснили следующее: Олег Плотарев приехал в Москву двадцать девятого декабря. Весь первый день провел дома с сестрой. Тридцатого поехал на рынок, закупился продуктами, приобрел елку и вернулся домой еще засветло. Вечер провел дома. Тридцать первого брат и сестра посетили ближайший кинотеатр, смотрели какую-то комедию. Новогоднее застолье прошло в узком семейном кругу, кавалера Ирина Плотарева не имела, а старых друзей у Олега в Москве не осталось.

Следующие два дня Олег гулял по Москве. Сестра предлагала составить ему компанию, но он отказался, сославшись на желание побродить по дорогим с детства маршрутам в одиночестве. Сестра не возражала, она не была любительницей морозного зимнего воздуха, да и прогулки Олега были непродолжительными. Пару-тройку часов побродит и возвращается. Так сказала Ирина.

Встречался ли с кем-то Олег во время своих прогулок, она не знала, по крайней мере, брат об этом не упоминал. Звонков на мобильный точно не было. Олег даже шутил на эту тему, мол, такого молчания в эфире у него давненько не наблюдалось. Обычно по двадцать-тридцать звонков за день, а тут полный застой.

Третьего числа Олег весь день провел дома. В ночь собрал сумку и поехал на вокзал. Поезд уходил рано, в четыре тридцать утра, поэтому он вызвал такси. До такси сестра его не провожала, только из окна видела, как Олег сел на заднее сиденье, и машина отъехала. Потом она легла спать, так как время было ночное. С братом условились, что позвонит ей с вокзала, как в поезд сядет, но он не позвонил. Проснулась Ирина поздно, около одиннадцати, сказала бессонная ночь.

Ей, привыкшей отправляться спать где-то в половине десятого, ночные бдения на пользу не шли. Проснувшись, сразу проверила телефон. Звонка от брата не было, но ее это не особо взволновало. Она подумала, что брат не захотел беспокоить ее, а обещание дал для того, чтобы Ирина не волновалась.

Тогда она позвонила сама, услышала механическую фразу о том, что телефон вне зоны действия сети, и прервала звонок. В Сортавалу поезд прибывал к восьми вечера. За этот промежуток времени Ирина пыталась дозвониться еще несколько раз, но телефон не отвечал. Когда

и в восемь вечера брат не ответил на ее звонок, она всерьез разволновалась. Правда, совсем не думала, что больше не увидит Олега, просто беспокойно на душе было.

До утра дотерпела, хотя телефон из рук не выпускала, а утром позвонила на фирму. Секретарша ответила, что Олега на работе нет. Ирина объяснила причину своего беспокойства и буквально заставила секретаршу дать слово, что та съездит к Плотареву домой и выяснит, все ли у него в порядке. Спустя три часа снова позвонила, секретарша и не думала выполнять обещание, но под нажимом со стороны Ирины все же собралась и поехала к Олегу домой. Уже оттуда позвонила ей и сообщила, что дверь никто не открывает, после чего посоветовала обратиться в полицию, что Ирина и сделала.

Заявление у нее приняли, зарегистрировали и отложили в «долгий ящик». Мало, что ли, у полиции забот? Таких Плотаревых по стране сотни тысяч. Говоря проще, расследование по факту исчезновения Плотарева Олега не проводили. Ирина несколько раз после этого снова обращалась в правоохранительные органы, но ответ получала один: ищем. А потом поступил звонок от помощников Гурова. Ирину вызвали в отдел для беседы, где она опознала ботинки брата.

Вооружившись фотографией Плотарева, Гуров и Крячко отправились на Курский вокзал, с которого отбывают поезда на Сортавалу. Начальник вокзала оказался на месте, от него Гуров получил все необходимые сведения. В четыре тридцать утра четвертого января пассажир Плотарев Олег Аркадьевич зарегистрировался при посадке и отбыл из столицы, согласно выбранному направлению. Эти данные были зарегистрированы в электронной системе, и тут ошибки быть не могло. Получалось, что из Москвы Плотарев все же уехал, а вот добрался ли он до места, начальник вокзала подсказать не мог, такие сведения в базу не заносятся. Если пассажир решил сократить время поездки и высадиться на промежуточной станции, деньги за билет ему уже не возвращаются, а, следовательно, и данные об этом факте в базу не вносятся.

Начальник вокзала посоветовал пообщаться с кем-то из бригады, обслуживающей данный маршрут, тем более что поездной состав этот как раз находится в Москве. Связавшись с начальником поезда, начальник вокзала отправил Гурова и Крячко с провожатым на запасные пути, где отстаивался состав, ожидая отправления. Провожатый, молодой проворный парень, довел полковников прямо до места и сдал с рук на руки начальнику поезда. Тот оказался мужчиной средних лет, невысокого роста, с копной рыжих волос и смешливым взглядом.

– Здравия желаю, граждане полицейские, – протягивая руку для рукопожатия, весело произнес он. – Начальник подвижного состава «Москва – Костомукша», Георгий Леонидович Самшалов. Можно просто Гоша.

– Полковник Гуров, Лев Иванович. Это мой напарник, полковник Крячко, – в свою очередь представился Гуров. – Где мы можем побеседовать?

– Да в любом купе, – заскакивая на подножку вагона, заявил Самшалов. – Нам еще долго стоять, время есть. А хотите, ко мне пройдем. Я вас чайком угошу, вы такого чая в жизни не пробовали. Фирменный, карельский, мне бабы в Костомукше собственноручно собирают.

– Я бы от чая не отказался, – согласно кивнул Лев.

– Вот и правильно, кто ж от дармового угощения отказывается? – рассмеялся Самшалов. – Давайте тогда по путям пройдемся. До головы поезда добраться надо, там мои апартаменты.

Штабной вагон, как называют специальный вагон, предназначенный для начальника поезда, от обычного купейного мало чем отличался, разве что расположением купе. Здесь в обязательном порядке присутствовали купе для начальника поезда, купе для сопровождающего поезд наряда полиции, радиоточка и место для хранения постельного белья. В остальном же все выглядело как и в обычном вагоне. Самшалов распахнул дверь своего купе, пропустил гостей внутрь и, заглянув в соседнее купе, распорядился:

– Серега, подсуетись насчет кипяточка. К нам гости пожаловали.

Пока неизвестный Серега разбирался с кипятком, Самшалов накрывал на стол. Выставил две жестяные коробки: с печеньем и с конфетами. Достал вазочку густого ярко-красного варенья, фирменные стаканы в металлических подстаканниках. Подумав немного, прибавил к угощению самодельный сыр, нарезанный толстыми ломтями. Пока Самшалов выставлял угощения, вернулся Серега. В купе не заходил, из-за двери вытянулась рука с дымящимся чайником, который начальник проворно подхватил, после чего рука исчезла.

– Хороший парень этот Серега, – закрывая дверь, похвалил Самшалов. – Исполнительный и ненавязчивый.

– Проводник? – поинтересовался Гуров.

– Не, он у нас по связи. Соседнее купе под радиоточку отведено, вот я иной раз полномочия и превышаю. А что? Молодежь к порядку приучать нужно. Вот мой Серега – тот приучен. Шустрый малый. Да вы не переживайте, он не в обиде. Кипяточку начальнику поезда принести нетрудно, и пользы от такой услужливости куда больше, чем вреда.

– Он вам, вы – ему, – усмехнулся Стас.

– Что-то вроде того, – не стал отпираться Самшалов. – Мы ведь большую часть жизни вместе проводим, нам без взаимовыручки нельзя.

– Все это чудесно, – вступил в разговор Гуров, – но, как вы понимаете, мы к вам пришли не просто так.

– Понимаю, понимаю. Вас начальник вокзала прислал, значит, с конкретным делом. Да вы чаек-то пейте, пока не остыл. Чуете запах? Сколько лет этим чаем балуюсь, а все не приелся.

Запах от заваренного прямо в стаканах чая и правда был бесподобный. Запах леса, лета и свободы. Лев сделал глоток, вкус ему понравился – что-то среднее между травяным настоем и ягодным компотом.

– Приятный вкус, – похвалил он. – И все же мне бы хотелось перейти сразу к делу. Время, знаете ли.

– О да, время всегда играет против нас, – согласился Самшалов. – Так чем господа полицейские обеспокоены? На железной дороге участились кражи?

– Насчет этого у нас сведений нет, – улыбнулся Лев. – Нас интересует один из пассажиров, следовавший вашим маршрутом четвертого января до станции Сортавала.

– Эх, вы загнули, – хохотнул Самшалов. – Вспомнить пассажира, который ехал в нашем поезде больше двух недель назад? Веселенькое заданье!

– Разве это настолько нереально? – удивился Крячко. – Мне казалось, у проводников память на лица должна быть натренирована, как нюх у ищейки.

– Так-то оно так, – тут же согласился Самшалов, сравнение Крячко ему явно пришлось по душе. – Только вот если ваш пассажир не из буйных был, то вряд ли его кто-то вспомнит.

– Ну, попытка не пытка, – настаивал Гуров.

– Ладно, выкладывайте, что за пассажир, – предложил Самшалов. – Чем смогу – помогу.

– Плотарев Олег, тридцати одного года...

– Погоди, начальник, не о том спрашиваю. Вагон, место, время, вот что меня интересует. Сперва выясним, кто из проводников на вагоне работал, а там кумекать начнем.

– Вагон номер семнадцать, место двадцать четыре. Время отправления: четвертое января в четыре тридцать утра.

– Семнадцатый вагон у нас Мирон обслуживает. Вредный мужичонка, с придурью, но работу свою знает, – подумав, произнес Самшалов. – Двадцать четвертое место, это верхняя полка. Обычно верхнюю берут те, кто с другими пассажирами общаться не желает. Заляжет на полку и дрыхнет всю дорогу, только в сортир и отлучается. Но бывает и по-другому.

– Можем мы с этим Мироном пообщаться? – спросил Гуров.

– Если он на месте, отчего же нельзя? Только он у нас не из тех, кто за сутки до отправления к поезду является. Это не по правилам, но Мирону вагон подготовить часа два хватает, вот

я глаза и закрываю. Ладно, давайте попытаемся, вдруг уже на месте. – Не вставая с места, Самшалов громовым голосом выкрикнул: – Серега, врубай систему оповещения, вызывай Мирона из семнадцатого!

Серега не ответил, но за стеной защелкали тумблеры, и спустя некоторое время из соседнего купе послышался негромкий голос, требующий проводников семнадцатого вагона прибыть к начальнику поезда. Пока ждали результата, Самшалов развлекал полковников байками из жизни на колесах. Гуров и Крячко вежливо слушали, не желая обижать гостеприимного хозяина. Минут через десять в дверь купе постучали, следом за этим дверь открылась, и взору присутствующих предстало миловидное женское личико.

– Вызывали, Георгий Леонидович? – нежным голосочком проворковало личико.

– Анютка, ты чего здесь? – удивился Самшалов. – Я ж Мирона вызывал.

– Георгий Леонидович, так вы его два дня назад уволили, – растерялась Анютка. – Полный расчет и никаких поблажек.

– Уволил? Точно уволил. – Самшалов почесал затылок. – Черт, и как это я прошляпил? Ладно, Анютка, заходи ты.

Анютка послушно вошла в купе, прижалась к стеночке и испуганно тарасилась на незнакомец. Гуров переглянулся с Крячко и спросил:

– Скажите, Анна, вы с Мироном в паре работали?

Она растерянно заморгала, бросила быстрый взгляд на начальника поезда и едва слышно ответила:

– Да, в паре.

– И четвертого января тоже?

– Четвертого? – Анютка еще больше растерялась. – Видимо, да.

– Что значит – видимо? – переспросил Лев. – Вы не помните или говорить не хотите?

– Эх, хрен с вами! – махнул рукой Самшалов. – Иди, Анютка, посиди пока у Сереги в рубке. Потом позову.

Проводница поспешно выскользнула из купе, прикрыв за собой дверь. Самшалов с минуту размышлял, потом заговорил:

– Мирон у нас один всегда работал. Проводнику смена положена, но с Мироном никто работать не хотел, вот он один и пахал. Зарплата двойная, работа та же.

– Если он такой чудесный работник был, зачем же вы его уволили? – удивился Крячко. – Пахал за двоих, вагон за два часа в рабочее состояние приводил, а вы его – подчистую?

– Зарвался Мирон, за то и уволил, – заявил Самшалов. – Пассажиров без билета возить наострил. В его купе место свободное, он их на вокзале и прихватывал. Так это еще ладно, но ведь он и в другие купе пристраивать безбилетников начал. А мне эта головная боль зачем?

– Делиться перестал? – догадался Крячко. – Да, это уже хреново, когда подчиненные больше начальства калым имеют.

– Я вам этого не говорил! – возмутился Самшалов.

– Да ладно, мы не по вашей линии, – отмахнулся Стас. – Нам пассажира найти нужно.

– А что с ним случилось? Он-то с билетом был, как я понял. Значит, Мирон тут не при делах.

– Пропал он, пассажир ваш. Вот мы и пытаемся выяснить, доехал он до конечной станции или где-то сошел.

– Жаль, у Мирона теперь не спросишь, – вздохнул Самшалов.

– Он в Москве проживает?

– Нет, карельский он. Квартира у него в Костомукше, там и на работу устраивался, поезд-то карельский, – ответил Самшалов.

– Адрес имеется?

– В отделе кадров.

– Придется нам воспользоваться услугами вашего поезда, – внезапно заявил Гуров. – Прокатимся с вами до Костомукши, поищем Мирона. Найдете для нас пару мест?

– А официально никак? – прищурился Самшалов. – У нас сейчас с этим строго, а вам ничего не стоит билетки забронировать. Будьте так любезны, получите проездной документ.

– Ладно, не станем вас под монастырь подводить, – пообещал Лев. – Сейчас с начальством свяжемся, решим вопрос. Отправление когда?

– Да как обычно. Сегодня в ночь и пойдем.

– В четыре тридцать?

– Точно, в четыре тридцать, – подтвердил Самшалов. – Подходите к четверем, а уж я позабочусь, чтобы вас по высшему классу обслужили.

С Аннушкой опера беседовать не стали. Что толку, если девушка к вагону близко не подходила? На вокзале задержались. Походили по перрону, по ларькам привокзальным, по магазинчикам. Предъявляли фото Плотарева, надеясь, что его кто-то вспомнит. Не нашли ни одного свидетеля и поехали обратно в отдел, на доклад к генералу Орлову.

Генерал доклад выслушал, но поездку в Костомукшу не одобрил. Сутки тратить на проводника посчитал пустой тратой времени. Покопался в записной книжке, отыскал номер знакомого начальника отдела в Петрозаводске. Тот поделился телефоном толкового оперативника из соседнего с Костомукшей поселка Ледозеро. Связался с ним и высказал дружескую просьбу сгонять в Костомукшу и отыскать гражданина Миронова Владислава. Продиктовал адрес и свой телефон. Через три часа получил ответ: гражданин Миронов отбыл из Костомукши в неизвестном направлении, о чем сообщила его соседка, а по совместительству гражданская жена, Людмила Токарева. Будучи уволенным с основного места работы, Миронов приехал домой, собрал вещи и помахал сожительнице ручкой, заявив, что уезжает в теплые края искать счастья. Куда именно отправился Миронов, Токаревой не доложил, чтобы не искала.

Единственная полезная ниточка оборвалась, не успели опера за нее потянуть. Оставалось одно – отправляться в Сортавалу и трясти коллег и друзей пропавшего Плотарева. Так Гуров и Крячко снова оказались на Курском вокзале в гостеприимных объятиях Гоши Самшалова. Поездка прошла спокойно. Начальник поезда позаботился о том, чтобы в купе к операм-важнякам попутчиков не подсеяли, и те смогли без помех побеседовать с каждым из проводников.

О Мироне коллеги отзывались нелестно, хотя и не отрицали, что работать Мирон умел. О его махинациях с безбилетниками знали все, но помалкивали, так как делишки его прикрывал сам начальник поезда. А вот Плотарева по фото ни один из проводников не признал. Бригада сотрудников МВД, сопровождающая поезд, в семнадцатый вагон четвертого января не вызывалась, вообще, дебоширов в мионовском вагоне почти никогда не бывало. Может, сам с дебоширами справлялся, а может, внешность Мирона к излишествам со стороны пассажиров не располагала. Так или иначе, но доехал ли Плотарев до пункта назначения, никто из сотрудников поезда сказать не смог.

В Сортавале Гурова и Крячко встретил начальник районного отдела подполковник Щипачев. Проводил на ведомственную квартиру, снабдил автомобилем, с водителем в придачу, и откланялся, заявив, что те могут обращаться к нему в любое время дня и ночи. Переждав ночь на ведомственной квартире, наутро Гуров и Крячко первым делом отправились в офис Плотарева. Там их встретила секретарша с чисто карельским именем, трудно воспринимаемым русским слухом. Представилась она как Ийванан Васси, разрешив, правда, обращаться к ней на русский манер Василиса Ивановна, из чего опера сделали вывод, что карельскую интерпретацию имени девушка назвала исключительно ради того, чтобы вызвать к себе интерес столичных гостей. Говорила Василиса на русском так же легко, как и сами полковники. Сообщила, что глава фирмы прибудет в офис не раньше девяти, предложила до его приезда побаловаться чайком, от чего полковники не отказались.

Василиса оказалась особой весьма разговорчивой. За час ожидания Гуров и Крячко узнали о работе фирмы столько, сколько и за год работы непосредственно в офисе вряд ли смогли бы узнать. Занималась фирма деревообработкой. Поставляли лес всем мало-мальски стоящим строительным организациям, начиная от Петрозаводска и заканчивая заштатными деревушками. Работали в основном по крупным заказам, но и мелкими не гнушались. Однако с год назад дела фирмы резко пошли под гору. С чем это было связано, секретарша не знала, но предполагала, что дело тут в появившихся на горизонте конкурентах. Фирма «Строй-Лес» начала переманивать клиентов фирмы Плотарева, да так активно, что за год от былых пятидесяти заказов в месяц фирма едва-едва пятнадцать набирала. Чем переманивали? Да цены сбрасывали так, что если лес у них не ворованный, то работает «Строй-Лес» исключительно себе в убыток.

И вот, три месяца назад на общем собрании было принято решение договориться с этой фирмой о сотрудничестве. А заниматься этим вопросом отрядили как раз пропавшего Плотарева. Как он с ними договаривался, секретарша не в курсе, но заказов с тех пор прибавилось. Встречался со «стройлесовцами» Плотарев раза три и после отпуска должен был продолжить переговоры. Директор фирмы очень на него надеялся и, когда тот пропал, решил, что тот специально сбежал, так как обязательств, взятых на себя, выполнить не смог. Сам же директор буквально за неделю вопрос со «Строй-Лесом» уладил. Теперь у них полное взаимопонимание, так сказала секретарша. И еще добавила, что исчезновение Плотарева фирме явно на пользу пошло.

К моменту прихода директора фирмы Гуров и Крячко были во всеоружии. Встреча с ним прошла совсем не так, как тот рассчитывал. Разумеется, источник информации Гуров и Крячко не раскрывали, но во всем, что касалось проблем фирмы, показали полную осведомленность. Пришлось директору быть со столичными операми откровенным. Все слова секретарши он подтвердил. От себя же добавил, что благодаря исчезновению Плотарева ему, директору, открылась хитрая система, которую тот вместе со «стройлесовцами» разработал. Оказалось, Плотарев тупо сливал им информацию по крупным заказам. За хорошую мзду, разумеется. Когда же директор сам обратился к их боссу, «стройлесовцы» быстро согласились на компромисс, которого, при желании, еще три месяца назад мог добиться Плотарев.

Адреса и телефоны всех заинтересованных лиц директор фирмы дал без проволочек. Более того, он лично созвонился с боссом «Строй-Леса» и попросил уделить столичным операм время. В «Строй-Лес» ехали в легком недоумении: чего ради «стройлесовцы» столько времени платили Плотареву, если можно было с самого начала договориться напрямую с директором? Либо Плотарев так ловко водил за нос обоих боссов, либо боссы эти что-то договаривают, такой вывод сделали опера.

Разговор с боссом «Строй-Леса» ничего нового не принес. Он признал факт утечки информации по заказам фирмы-конкурента, но криминальным его не считал, так как в бизнесе это обычное дело. На вопрос, почему сразу не договорились с директором, босс заявил, что Плотарев от имени директора такие условия выдвинул, на которые ни один здравомыслящий бизнесмен не согласится. А условия Плотарева оказались приемлемыми. Вот так и вышло, что босс «Строй-Леса» предпочел переплачивать Плотареву. И тоже высказал «светлую мысль», что исчезновение Олега пошло на пользу обеим организациям. Подозревать босса «Строй-Леса» в покушении на Плотарева было как-то глупо. Будь он к этому причастен, разве стал бы сообщать операм подробности их с Плотаревым сотрудничества, да еще заявлять во всеуслышание, как счастлив оттого, что тот исчез? Нет, дураком он не выглядел, подставлять себя под расследование не стал бы.

Пришлось версию разборок на почве бизнеса отвести как несостоятельную. Да и слишком сложная комбинация получалась. Для чего нужно было недовольным партнерам по бизнесу ехать в Москву, подавливать там Плотарева, да еще и оставлять его ступни в подвале

московского дома? Никаких шифров и кодов от заграничных счетов в памяти Плотарева не хранилось, а убрать его, как лишнее звено, сподручнее было бы в Сортавале. Тут и полиция прикормленная, и объект всегда под рукой. Тем более если исключить Плотарева из цепочки оказалось так просто. Одним словом, версию разборок в плане бизнеса опера-важняки исключили.

Друзьями за время проживания в Сортавале Олег не оброс. Общался с парой приятелей из числа офисных сотрудников, да и эти связи даже приятельскими назвать было трудно. Три-четыре раза в год он выпивал по кружке пива с начальником отдела сбыта, но и в этих случаях инициатива всегда исходила от последнего. Раза три в год посещал боулинг-клуб с другим начальником, заведующим отделом кадров. Вот и все внешние связи. Почему так вышло, что за столь долгий срок Плотарев не обзавелся друзьями, оставалось загадкой. Быть может, просто нелюдимым был, а может, и другая причина была. Беседа с обоими начальниками пролить свет на причину исчезновения Плотарева не помогла. Оба в один голос заявляли, что врагов у Плотарева не было, выпивохой он не слыл, поэтому секретов фирмы выболтать не мог, так как, в принципе, парнем был неразговорчивым.

От секретарши Василисы Гуров и Крячко узнали, что семья у Плотарева все же была. Вернее, была жена, правда, официально они так и не зарегистрировались. Почему? Этого секретарша не знала, но зато знала, кто являлся пассией Плотарева. Ею оказалась дочь главы администрации Сортавалы Анастасия Федосова. К ней-то и направились опера после встречи с боссом «Строй-Леса». Адрес проживания Анастасии Федосовой помог выяснить подполковник Щипачев. Он же предупредил, чтобы столичные полковники обращались с дамой повежливее. Девушка она непростая, а связи у отца обширные, не нажить бы неприятностей. Щипачев даже помощь свою предлагал, мол, давайте лучше я с ней побеседую, но полковники отказались.

К дому Федосовой подъехали ближе к трем часам дня. Хоромы у Федосовой соответствовали статусу ее папаша. Солидный трехэтажный особняк, обнесенный каменным забором с литыми чугунными вставками. У калитки камеры видеонаблюдения и «сторожевой пес» в виде могучего амбала без единой извилины в мозгу. Предъявив удостоверение, Гуров потребовал аудиенции с владелицей особняка. Амбал, не открывая калитки, связался с хозяйкой, которая от встречи с полицейскими, прибывшими из Первопрестольной, не отказалась.

Калитка открылась, и полковникам позволили пройти на территорию. Там амбал еще раз осмотрел удостоверения, сверив лица оперов с фото в «корочках», после чего велел пройти к центральному входу. Дверь была открыта, на пороге полковников поджидала пожилая женщина с усталым, сморщенным то ли от старости, то ли от непосильной работы, лицом. Она велела подниматься на второй этаж, заявив, что «хозяйка примет в будуаре».

Что подразумевалось под словом «будуар», Гуров и Крячко поняли лишь тогда, когда оказались в вышеозначенной комнате. Они будто в девятнадцатый век попали. Комната с высокими потолками изобиловала золоченой росписью, картинами в витиеватых рамках, огромной люстрой со множеством подвесок и огромной кроватью под бархатным бордовым балдахинном. На кровати возлежала женщина средних лет, одетая в прозрачный пеньюар. В руках она держала трубку кальяна и пускала кольца дыма в потолок.

– Ах, господа, не стойте же в дверях, – жеманно произнесла дама. – Проходите, располагайтесь на танкетках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.